

Бестселлер *The Sunday Times*

АМАНДА БРАУН

ТЮРЕМНЫЙ ДОКТОР

ИСТОРИИ О ЛЮБВИ, ВЕРЕ И СОСТРАДАНИИ

Спасая Жизнь: ИСТОРИИ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Спасая жизнь. Истории от первого лица

Аманда Браун

**Тюремный доктор. Истории
о любви, вере и сострадании**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 343.835
ББК 67.409

Браун А.

Тюремный доктор. Истории о любви, вере и сострадании /
А. Браун — «Издательство АСТ», 2019 — (Спасая жизнь.
Истории от первого лица)

ISBN 978-5-17-119163-4

Жестокость. Наркотики. Суицид. Добро пожаловать в мир тюремного доктора! Леденящие кровь, душераздирающие и поучительные – так можно охарактеризовать случаи из жизни и истории лечения пациентов, описанные врачом, считавшим своим профессиональным долгом помочь тем, кто находится под арестом. Все ее пациенты – преступники. Но, несмотря ни на что, для них она по-прежнему остается лечащим врачом. Доктор Аманда Браун лечила заключенных в скандально известных тюрьмах Великобритании – вначале в исправительных учреждениях для несовершеннолетних, затем в пресловутой Уормвуд-Скрабс и впоследствии в крупнейшей европейской тюрьме для женщин Бронзфилд. Она видела все – от грязных протестов до удивительных случаев беременности, от чудовищных нападений на заключенных до безжалостных актов причинения вреда самим себе. В этих откровенных, жизнеутверждающих мемуарах Аманда Браун приводит истории и случаи, повлиявшие на ее карьеру, напоминая о помощи тем, к кому большинство из нас скорее проявило бы равнодушие.

УДК 343.835
ББК 67.409

ISBN 978-5-17-119163-4

© Браун А., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	7
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Аманда Браун
При участии Рут Келли
Тюремный доктор
Истории о любви, вере и сострадании

Памяти моих дорогих матери и отца, которые показали мне истинное значение слов «любовь» и «сострадание».

Аманда Браун

Ведь разум – это тот же вольный выбор, сам по себе создать он может небеса в аду и ад в небесах.

Джон Милтон. «Потерянный рай»

Amanda Brown
The Prison Doctor

* * *

All rights reserved.

Печатается с разрешения авторов и литературных агентств MBA Literary Agents Ltd., Louisa Pritchard Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© И. Д. Голыбина, перевод, 2019

© 2019 by Dr. Amanda Brown and Ruth Kelly

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Тюрьма Бронзфилд

Первое, что я услышала, были крики. Охранники бежали куда-то по коридору и вверх по металлической лестнице.

– Что случилось? – закричала и я, решив, что разразился бунт.

За пятнадцать лет работы тюремным врачом я успела повидать немало, но ответ поразил.

– Кто-то рожает! – выкрикнул один из охранников, а потом еще раз повторил то же самое в рацию. Он требовал вызвать подмогу, скорую, медсестер – весь медицинский персонал – в первый блок.

– *Вот же черт!*

Я побежала следом за другими. Грохот стоял такой, будто по лестнице поднималась целая армия. В воздухе витал запах переваренных овощей с обеда; насыщенный и въедливый, слегка сладковатый, он мешался с запахами пота и дешевого мыла.

Заключенные, заслышав наше приближение, принялись колотить в двери камер кулаками. Металл отчаянно грохотал.

Полдюжины офицеров столпилось у входа в маленькую камеру в самом конце коридора.

– Дорогу! – скомандовала я, протискиваясь между ними.

Столб света падал в камеру сквозь зарешеченное оконце. В углу, прячась в тени, стояла, трясаясь всем телом, крошечная молоденькая женщина. Подол ее ночной рубашки был перепачкан кровью. На стенах тоже виднелись кровавые брызги – ярко-красные, словно граффити протеста. Казалось, она не осознает, где находится и кто она такая. Вьющиеся темные волосы липли к потному лбу и щекам.

Но где же ребенок?

Стараясь говорить спокойно, я сделала шаг вперед и попыталась с ней заговорить.

– Ничего, дорогая, все будет в порядке.

Но кто мог знать, что в действительности будет так? Скорее всего, заключенная была героиновой наркоманкой, сейчас на метадоне. Большинство содержащихся в первом блоке когда-то принимали наркотики.

Стук в двери стал еще громче. В воздухе разносились злобные выкрики и проклятия, добавляя ситуации напряжения и шума. Когда в тюрьме такое творится, создается впечатление, что от малейшей искры все здание взлетит на воздух.

Женщина начала кричать.

– Вытащите ее из меня! Вытащите ее из меня!

Видимо, она имела в виду плаценту, потому что в камере, частично спрятанная под кроватью, в луже крови прямо на тюремном полу, лежала новорожденная девочка. Я огляделась по сторонам, пытаясь отыскать, во что ее завернуть. Пуповина была оборвана, похоже, самой матерью. Малышка выглядела такой крошечной, что, скорее всего, родилась задолго до срока. *Вот только жива ли она? Эта бедная, бедная крошка, жи...*

К моему гигантскому облегчению, девочка вдруг заплакала.

– У кого-нибудь найдется чистое полотенце? – спросила я.

– Держите, док.

Бетти, охранница, протянула мне единственный чистый предмет, который сумела обнаружить – синюю простыню с кровати.

Я взяла малютку на руки, завернула в тюремную простыню и прижала к себе, изо всех сил стараясь согреть ее хрупкое тельце. Да, нелегко был ее путь в этот мир! Приютившись у меня на груди, она постепенно перестала плакать.

Я окинула взглядом коридор, надеясь увидеть торопящихся врачей скорой помощи. И мать, и младенца требовалось срочно перевезти в госпиталь. Женщина явно потеряла много крови, а поскольку плацента до сих пор не вышла, у нее могло развиваться послеродовое кровотечение – одна из основных причин материнской смертности.

Пока мы ждали, я проверила, продолжается ли кровотечение. К счастью, ничего подобного не обнаружила. Однако, хоть я и испытала облегчение, заключенная не унималась.

– Вытащите ее из меня! Вытащите ее из меня! – продолжала она кричать раз за разом, нисколько не интересуясь малышкой.

Я решила, что она не хотела ребенка, и подумала, не изнасиловали ли ее. Мне пришлось работать со множеством женщин, ставших жертвами тяжелых преступлений на сексуальной почве. Больше всего я тревожилась, что новорожденная могла привыкнуть к наркотикам. Любые наркотические вещества, которые принимает мать во время беременности, могут вызывать привыкание у плода. После родов зависимость не проходит, но поскольку препараты ребенок не получает, возникает так называемый неонатальный абстинентный синдром. Его симптомы могут проявиться в течение одного-двух дней, а новорожденный требует тщательного наблюдения и лечения.

– Пропустите скорую! – крикнул кто-то, и до моего слуха донесся тяжелый стук ботинок.

Фельдшеры скорой вошли в камеру, а один из охранников протянул мне белое полотенце для малышки. В подобных обстоятельствах это могло показаться странным, но мне стало гораздо легче, когда я смогла завернуть это прелестное создание с темными влажными кудряшками, прилипшими к головке, в точности как у матери, не в тюремные простыни, а в теплую, мягкую ткань.

Фельдшер обернул плечи матери одеялом и осторожно усадил ее в кресло-каталку. Под неутраченные крики «вытащите ее из меня!» ее покатали по коридору. Лишь на короткий миг она удивленно оглянулась на младенца, а потом исчезла из виду.

Двое тюремных охранников поехали с ними, сопровождая ее в госпиталь, причем одного приковали к ней наручниками, чтобы она не попыталась сбежать. Я понимала, что это необходимая мера, но смотреть на них было страшно. Мне не раз приходилось слышать, что заключенные, как бы тяжело ни болели, ни за что не упустят шанса на побег. В наших кругах до сих пор ходит байка о том, как роженица, едва разрешившись от бремени, выскочила в окно родильного зала.

Медсестра скорой помощи повернулась ко мне и протянула руки, чтобы забрать младенца.

Я в последний раз приласкала малышку, нежно погладив пальцем по щеке. Она обхватила мой палец ладошкой, а я про себя вознесла молитву в надежде на ее лучшую долю. Если ей разрешат остаться с матерью, то после выписки из госпиталя их переведут в совместный блок, но только на 18 месяцев. Если срок, на который приговорили женщину, дольше, то девочку заберут в детский дом. Однако если власти решат, что мать не может заботиться о новорожденной, их разделят вскоре после родов.

Будучи сама матерью, я и представить не могу ощущений, когда отбирают ребенка. Каково это – сидеть в тюрьме, день за днем представляя, как он растет, как выглядит, кто утешает его, когда он плачет.

Что будет с малышкой дальше? Конечно, я смогу узнать подробности дела, всегда можно спросить. Но справлюсь ли я с этим знанием?

Мое влияние на жизни заключенных очень ограничено. Я не могу переписать их судьбы, но в силах хотя бы отчасти облегчить страдания, помочь избавиться от зависимости, выслу-

шать, когда это нужно. Моя работа не в том, чтобы их судить, а в том, чтобы о них заботиться, помогать, вне зависимости от того, кто эти люди и что они натворили. Ради этого я и живу.

Все вышли, и я осталась одна среди перепачканных кровью стен. Мрачность тюремной камеры навевала на меня клаустрофобию.

– Все в порядке, док? – поинтересовалась Бетти из коридора.

– Да, подруга, – вздохнула я.

Я прошла за ней по лестнице вниз, стараясь вернуть себе обычную невозмутимость. Не только заключенным приходится быть сильными, чтобы выжить в тюрьме. Если бы я принимала все близко к сердцу, то долго бы не выдержала.

Предстояло вернуться к работе. Другим требовалась моя помощь.

Часть первая

Начало

2004–2009

Глава первая

Тюрьма Бронзфилд

2019

– Подождите-ка, док!

Я увидела Гарри, тюремного служащего, бежавшего следом за мной.

Большинство ворот в тюрьме под сигнализацией, и у персонала есть около 30 секунд, чтобы запереть замок, прежде чем сработает сирена. Я придержала двери, и он быстро протиснулся в них.

Я закрыла тяжелую решетку, стук которой гулко отозвался у нас в ушах. Заперла замок одним из пяти ключей, висевших на кожаном форменном поясе. Мне не надо было смотреть, какой ключ беру; эти двери я открывала и закрывала по многу раз за день.

Мы оказались в центральном зале тюрьмы Бронзфилд – самого крупного женского пенитенциарного учреждения в Европе, места заключения семнадцати из двадцати самых опасных преступниц в Великобритании. Здесь сидели знаменитые правонарушительницы: серийная убийца Джоанна Деннехи, убийца Бекки Уоттс – Шона Хоур, Мейрид Филпотт, которая устроила пожар, погубивший шестерых ее детей. Некогда и Розмари Уэст тоже была заключенной, или, как говорили сотрудники, «резидентом», Бронзфилда.

Крышу центрального зала обрамляли огромные окна, отчего он выглядел светлым и нарядным, возвышаясь на 18 метров у нас над головами. В центре тянулись к свету высокие искусственные пальмы: даже пластмассовые деревья пытались выбраться из тюрьмы. Просторный и хорошо освещенный, зал разительно отличался от крошечных камер, где заключенные проводили большую часть времени.

– Ты, кажется, загорел, – сказала я Гарри.

Он улыбнулся при воспоминании о целой неделе свободы.

– Шесть дней шесть ночей в Испании, все включено – супруга очень довольна. Так не хотелось возвращаться!

Но я знала, что это не совсем правда. Конечно, дежурства у нас долгие и утомительные – физически и эмоционально, – но по какой-то причине мы все равно хотим скорей вернуться на работу. И не только из-за денег.

Это пронизывает до костей. Острые переживания, дух товарищества, взлеты и падения. Могу честно сказать, что в пятницу вечером предпочту работать на приеме – встречать заключенных, прибывающих из суда, людей из разных социальных слоев и разных культур, – вместо того, чтобы пойти на вечеринку.

Честно признаюсь, я давно разучилась поддерживать светскую беседу. После того, как за годы работы переслушала столько человеческих историй, мне тяжело убивать время за пустой болтовней, тяжело обсуждать разные банальности. Можно подумать, что я мечтаю отдохнуть и

отвлечься, но это не так. Каждый день я делаю очень важное дело и воспринимаю как награду тот факт, что люди, зачастую совсем из другого мира, нежели мой собственный, доверяют мне и полагаются на меня.

Не знаю, сыграл ли свою роль недавний отпуск, но Гарри был настроен на философский лад. Пока мы шли к дверям, ведущим в медицинское отделение, под тихое позвякивание ключей на поясах, он повернулся ко мне и сказал:

– Знаете, док, я ведь много думал.

– Да что ты! Seriously? – подшутила я.

Он улыбнулся, но потом внезапно посуровел.

– Про жизнь, про это место, почему люди сюда попадают.

Я была заинтригована.

– Продолжай.

Гарри проработал в Бронзфилде 14 лет и всегда был на хорошем счету. Он не игнорировал эмоционального состояния заключенных и искренне желал, чтобы они исправились.

На мгновение он нахмурился, призадумавшись.

– Полагаю, у большинства из них случился такой момент... ну, как в метро, когда закрываются двери. Знаете, поворотная точка, когда твоя жизнь может пойти по одному или по другому пути.

Я отступила в сторону, позволяя ему отпереть следующие ворота. Как и я, он не глядя взялся за нужный ключ. Мы прошли в медицинское отделение – узкий коридор с несколькими комнатами. Я помахала рукой Созйле, сидевшей в аптечном кабинете.

– Такое же с каждым может произойти, правда? – продолжал он.

– В какой-то момент вся жизнь вдруг повисает на волоске. Типа... – он пытался придумать пример. – Ну вот идешь в бар выпить, началась потасовка, ты кого-то толкнул, а тот упал и ударился головой. А потом умер. И в следующий момент ты уже сидишь в тюрьме за убийство. Вся жизнь может перемениться в мгновение ока. Понимаете, док, о чем я?

Конечно, я понимала. По сути, меня тоже привел сюда именно такой момент.

Бекингемшир

2004

Войдя в двери своей приемной, я ощутила на щеках тепло, шедшее от батарей. Кристи, сидевшая за стойкой, приветствовала меня улыбкой.

– Доброе утро, Аманда!

Я понятия не имела, как она умудряется все время пребывать в хорошем настроении, причем с самого утра.

Как обычно, мне стало страшно при мысли, сколько пациентов предстоит принять, но работать терапевтом мне очень нравилось, несмотря на вечную усталость.

Я зубами стащила с рук перчатки и взяла со стойки стопку писем и бумаг, которую Кристи отложила для меня. Такая куча писанины!

– Что у нас на сегодня? – поинтересовалась я.

– Весь день расписан. Печенья? – Кристи протянула распечатанный пакет.

Я покачала головой.

– Не забудь про встречу во время обеда.

– Все уже спланировано, – ответила она, постучав печеньем по экрану компьютера, на котором высветился мой рабочий график.

Сердце у меня сжалось при напоминании о встрече и о переменах, которые она может внести в мою спокойную практику.

Меньше чем через месяц, 1 апреля 2004 года, принимают новое законодательство в сфере здравоохранения, и по нему схема оплаты врачей общей практики станет совсем другой. Базовые выплаты заметно сократятся, но вырастут бонусы, которые можно заработать, если задавать пациентам определенные вопросы и выполнять указанные обследования во время консультаций.

Изменения были нацелены на то, чтобы повысить качество медицинской помощи, но мне приходилось не по нутру – сбор дополнительной информации у пациентов в глубокой депрессии или с недавно поставленным онкологическим диагнозом казался мне бесчеловечным. После 20 лет работы пациенты прекрасно меня знали. Они сразу догадались бы, почему я задаю им не относящиеся к делу вопросы, это заставляло меня сильно переживать.

Подумалось, как много всего изменилось с тех пор, как два десятка лет назад я начала частную практику. Кабинет находился неподалеку от Лондона, и я обслуживала около четырех тысяч пациентов.

Я шла в ногу со временем, всегда находя способ адаптироваться к переменам в системе здравоохранения, но эта последняя схема затрагивала мои глубинные убеждения и принципы касательно лечения. Я беспокоилась, что не смогу изменить свой стиль работы ради сбора информации, требовавшейся для получения бонусной оплаты. Однако больше всего пугало то, что мои партнеры наверняка собирались на этом настаивать.

В час дня я собралась с духом, взяла блокнот и ручку и по коридору пошла к переговорной. На стенах висели пейзажи и натюрморты с цветами. Я много лет старалась истребить здесь канцелярский дух, создать приятную атмосферу, в которой пациент сможет расслабиться. Такие вот маленькие штрихи имели для меня важное значение.

Я пришла в переговорную первой. Села в ожидании нашего управляющего и двух моих партнеров, которым принадлежала доля в практике. Оба они были блестящими врачами, молодыми и амбициозными, и поскольку я никогда не проявляла выдающихся способностей в сфере финансов и управления, то с радостью уступила эту сторону им.

Дверь широко распахнулась. Рогит, один из партнеров, потирая руки вошел в переговорную. Двое остальных явились сразу следом за ним. Все расселись по местам.

Напряжение витало в воздухе. Я сидела, скрестив под столом ноги, и страшно волновалась, сердце колотилось в груди, к горлу подкатывала тошнота.

Рогит смотрел на меня.

– Итак, что скажешь об изменениях, Аманда? – спросил он.

Мы оба обладали сильным характером и нередко расходились во мнениях.

Я наклонилась вперед, сложив руки на столе. Блузка на спине натянулась, отчего я почувствовала себя еще более скованно.

Рогит откинулся на спинку стула и принужденно мне улыбнулся.

– Ну... – начала я и, без единой паузы, выложила все, что думаю о новой схеме оплаты. Абсолютно честно я сообщила, что собираюсь и, что еще важнее, – чего не собираюсь делать.

Они переглянулись между собой. Минуту мы сидели в молчании.

Потом Рогит откашлялся и взял слово.

– Ты же понимаешь, что, если не потянешь финансово, это вызовет наше недовольство, – ледяным тоном произнес он.

Мне показалось, что у меня из легких выкачали весь воздух. Недовольны *мною*? Да ведь это же моя практика! Я была возмущена. Чувствовала себя преданной. И, прежде всего, очень обиженной.

Они будут мной недовольны? Получалось, я или должна смириться с чувством собственной бесполезности, свыкнуться с их недовольством, или принять новые условия, чтобы зарабатывать деньги.

Нет, так я работать не смогу. Точнее сказать, *не стану*.

Это был момент, очень схожий с закрывающимися дверями в метро. В одно мгновение моя жизнь приняла совершенно неожиданный оборот.

– Что ж, в таком случае я уйду.

Все трое изумленно смотрели на меня, пока я медленно отлеплялась от кресла и выходила за дверь.

Наверное, я была белой, как привидение, потому что Кристи в приемной спросила меня, все ли в порядке.

– Нет. Я уйду.

Я едва сдерживала слезы. Кристи хотела что-то сказать, но я уже выскочила через двери приемной на улицу, где царил ледяной холод. Зимний воздух пронзил легкие, отчего дышать стало еще тяжелей.

Что же теперь делать? Мне сорок девять, и я бросаю свою карьеру, стабильный доход – вообще *все*.

Я развернулась и поглядела на кабинет, который создала из ничего и где работала все прошедшие годы. Я посадила перед входом красивую живую изгородь из рододендронов, чтобы придать ему симпатичный, жилой вид. Это здание построил для меня муж, Дэвид, работающий в девелоперской компании. Я подумала о тысячах пациентов из моего списка, со многими из которых мы стали друзьями. Я видела, как росли их дети, выслушивала их тревоги, следила, как менялись их жизни. Держала за руки отчаявшихся стариков, когда они плакали от одиночества. Я была для них не просто врачом: иногда казалось, что я и психолог, и социальный работник, и священник, и подруга в одном лице. Мне нравилось работать сельским врачом, и за это время я успела познакомиться с местными жителями, полюбить многих из них: порой я шутила, что могла бы написать о них книгу. Не считая семьи, работа была самым важным в моей жизни. И вдруг, в мгновение ока, этому настал конец.

* * *

Я не могла уснуть. Уже несколько часов я смотрела в одну точку на потолке. Дэвид держал меня за руку, пока я снова и снова переживала свое решение. Муж и сыновья – Роб и Чарли – были всем для меня. Я понимала, что этим поступком ставлю семью под финансовый риск.

Дэвид, правда, уверял, что все будет в порядке. У него отличная работа, и он сможет позаботиться о нас. Но я не привыкла быть на содержании. С самого детства мне всегда хотелось прочно стоять на собственных ногах. Я любила работать, это придавало моей жизни смысл. Мне нравилось помогать людям – именно поэтому я и стала врачом. Мыслями я постоянно возвращалась к своим пациентам, ощущая громадное бремя вины за то, что отказываюсь от них.

Страх, вина, грусть и ярость – эта адская смесь кипела у меня в мозгу, став с приходом ночи еще острее, и я, наконец, сдалась. Отбросив одеяло, на цыпочках прокралась по комнате и накинула халат, свисавший с крючка на двери. От прикосновения прохладной ткани по спине побежали мурашки.

Дэвид зашевелился:

– С тобой все в порядке?

– Да-да, спи!

Я спустилась вниз и разогрела себе кружку молока. Села за наш массивный деревянный стол и через кухонное окно стала смотреть в ночную темень. Ее бесконечная чернота казалась такой же непроглядной, как мое будущее.

Мы с партнерами не заключили официального соглашения о том, сколько я проработаю до увольнения. Но устно договорились, что я уйду через 3 недели.

«Уйду» – при этом слове меня вновь охватил гнев. До чего несправедливо! Нельзя назначать врачам общей практики бонусы за то, что они выполняют свою работу!

Я с раздражением отхлебнула глоток из кружки.

Партнеры настаивали на том, чтобы я ограничивала каждый прием положенными 10 минутами и посвящала его только одной, заранее указанной проблеме. Однако зачастую пациенты ждали по несколько недель, чтобы попасть ко мне, если их беспокоило несколько вопросов, я просто не могла заявить, что надо записываться еще раз и, может, ждать еще 3 недели, чтобы все обсудить. Крайне важно, что проблемы часто бывают связаны между собой, так что всегда стоит выслушать пациента полностью.

Оскорбленная в своих лучших чувствах, я снова уставилась в окно. Но на этот раз за темнотой увидела в стекле свое отражение. Волосы, хотя и коротко остриженные, умудрились принять до абсурда причудливые формы. Я кое-как пригладила их рукой и отбросила челку со лба.

Несмотря на страшную усталость, я знала, что не смогу уснуть, пока не сброшу тяжесть с души. Я отправилась в кабинет. Свет включать не пришлось: луна, глядевшая в широкие окна, отлично освещала битком набитую комнату. Полки были настолько переполнены медицинскими журналами, что прогибались под их весом, словно гамаки. Стол, стоявший перед окном в сад, мало чем от них отличался. По обеим сторонам от компьютера высились горы бумаг. Вся моя жизнь, все эти кучи документации – я одним махом отказалась от них.

Возле клавиатуры в серебряных рамках стояли фотографии сыновей в школьной форме. Оба с гордостью улыбались. Но гордились ли они мной?

Двадцать лет. Двадцать лет я лечила людей, а теперь этому настал конец.

Я включила компьютер и потянулась к регулятору электрообогревателя, стоявшего в ногах. Его гудение и дрожь, как ни странно, заметно успокаивали. Я начала писать, изливать свою душу – в половине четвертого утра – выражать эмоции на чистой странице.

Я записала все, что не смогла сказать на нашей дневной встрече: все аргументы против новой схемы и новой управленческой политики. Объяснила, почему это вынудило меня уйти с работы, которую я так люблю.

Примерно через час я откинулась на спинку кожаного вращающегося кресла и выдохнула с облегчением. Теперь следовало нажать на «сохранение», забраться назад под одеяло и прижаться к Дэвиду, радуясь тому, что на душе стало легче.

Вместо этого я нажала «отправить».

Глава вторая

Я не ожидала, что стану героиней новостей.

Сидя в своем рабочем кабинете, я с изумлением читала собственные слова, напечатанные на страницах «Пульса» – национального печатного органа врачей общей практики.

«Я просто уезжаю в закат, и никому нет до этого дела». Да, я так и написала, но мне и в голову не приходило, что это процитируют дословно! Я проклинала свою несдержанность и эмоциональность. Под этими словами я подразумевала, что почти двадцать лет старалась работать как можно лучше, но теперь получалось, что это не имело никакого значения, потому что меня списывали со счетов. Системе требовалось, чтобы я ставила галочки в бланках – не более того.

Я пожалела, что не захватила с собой темных очков, чтобы спрятаться за ними. Однако теперь поздно было жалеть. Мое письмо черным по белому красовалось на всеобщем обозрении. Лучшее, что я могла сделать – это достойно продержаться 3 недели до увольнения.

Я разрывалась между злостью и раскаянием. К счастью, в расписании оставалось получасовое окно. Схватив сумку, выбежала на улицу, подышать свежим воздухом. Все вокруг напоминало о том, как много я теряю. В комнате ожидания на меня уставилась дюжина пар потрясенных глаз – письмо о моем уходе, обращенное к пациентам, было приколото на доску объявлений.

Я перешла через улицу к кофейне на противоположной стороне, но и там не стало легче. В очереди передо мной оказалась Сандра, провизор из соседней аптеки. Она работала там все время, что я пробыла местным врачом общей практики. Я подумала, что она сейчас заговорит о статье, но у Сандры имелись для меня другие новости.

– Такое впечатление, что в деревне траур, – без обиняков начала она.

За прошедшие годы мы тесно сдружились. Доброе лицо Сандры обрамляла копна каштановых кудрей; ростом она была не выше полутора метров и сейчас смотрела на меня снизу вверх своими темными глазами.

Мне нечего было ответить. Я понятия не имела, что сказать. Сандра заговорила снова, и каждое слово вонзалось мне прямо в сердце.

– Твои пациенты страшно опечалены. Не представляют, как смогут обходиться без тебя. Аманда, неужели тебе действительно необходимо уйти?

Я с признательностью сжала Сандре руку. Честно говоря, мне хотелось схватить ее в объятия.

– Решение принято, ничего уже не изменишь. Но, признаться, чувствую себя ужасно, – вздохнула я.

Слезы так и подступали к глазам. Однако я не могла себе позволить разрыдаться, стоя в очереди за кофе.

Далее последовал главный вопрос:

– И чем ты теперь собираешься заняться?

Действительно, чем?

– Наверное, с твоим опытом ты легко найдешь место врача общей практики в другом месте, – продолжила она.

Однако этого мне хотелось меньше всего. Я столкнулась бы с теми же проблемами, просто в новом учреждении. Но чем же действительно заняться? Было такое чувство, будто я похоронила кого-то из близких. Я испытывала грусть, одиночество, потерю и не могла заглянуть в будущее, которое словно подернулось густым черным туманом, сплетенным из сомнений и груза вины.

Внезапно аромат жареных кофейных зерен показался мне горьким до тошноты, почти невыносимым. Звуки кафе, болтовня посетителей, шипение кофемашины... Нет, это выше моих сил! По шее побежала горячая волна, захотелось как можно скорей выбраться на морозный воздух.

Настоящая пытка. Боже, что я натворила!

– Мне надо возвращаться на работу, – сказала я Сандре.

– Но ведь ты еще не выпила кофе! Я думала, надо нам посидеть вместе последний разок, до твоего ухода... – Она замолчала, увидев как я, показав два больших пальца, спешно бросилась к дверям.

На улице я сделала несколько глубоких вдохов, наслаждаясь вместо кофе свежим холодным воздухом. Хотелось разрыдаться. Честное слово, это уж чересчур. Сначала мое письмо в журнале, потом рассказ о расстроенных пациентах и, наконец, последний удар: осознание того, что я понятия не имею, чем буду заниматься остаток жизни.

Ситуация стала еще хуже, когда я вернулась в кабинет и в двери постучал мистер Коллинз. Больше всего в тот момент мне хотелось спрятаться под стол до конца приемных часов, но деваться было некуда.

– Входите, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал радостно.

Брайан Коллинз являлся одним из моих давнишних пациентов. В свои пятьдесят шесть он был высок ростом, седоват и всегда чисто выбрит. Глядя на его длинные гибкие пальцы, я всегда думала, что ему надо бы играть на фортепиано.

Брайан заглянул в дверь и робко двинулся по пестрому ковру к моему рабочему столу. Неуверенная походка выдавала человека, самооценка которого неоднократно попадала под удар. Сколько я его помнила, он регулярно принимал антидепрессанты: лекарства облегчали симптомы, но тут он пытался прекратить терапию, убежденный, что все прошло, и депрессия возвращалась снова.

За 20 лет работы я повидала немало таких пациентов. Богатый, успешный представитель среднего класса с хорошо поставленной речью; из тех бизнесменов в костюмах в полоску, что каждое утро едут в центр города на работу. В самом начале карьеры такой тип мужчин, должна признаться, меня сильно смущал – казалось, они не станут доверять молоденькой женщине-врачу. Однако, к удивлению, мне удалось расположить к себе и его, и многих других таких же. Наверное, в первую очередь это объяснялось моим искренним равнодушием по отношению к ним. Я всегда считала, что основные причины болезней кроются в эмоциональных неурядицах. Однако со временем это вылилось в проблему: большинство пациентов теперь видели во мне не только врача, но еще и советчика. И мистер Коллинз не был исключением.

– Чем могу помочь, Брайан? – спросила я как можно мягче, чтобы не смущать его.

С опущенными глазами он присел на стул напротив.

– Вы действительно уходите? – спросил Брайан, тревожно глядя на меня.

Впервые мне пришлось столкнуться лицом к лицу с эффектом, который производило мое увольнение, и это было просто невыносимо. Я кожей ощущала напряжение, повисшее между нами.

– Да, боюсь, что так.

Мгновение он молчал, пристально глядя в одну точку на ковре, прежде чем поднять на меня глаза. Я увидела в них слезы. Сердце мое разрывалось в груди.

Из упаковки на столе он вытащил бумажный платок и промокнул уголки глаз. Его голос дрожал.

– Но что же я буду без вас делать? Вы – единственная, кто понимает, через что я прохожу, а ведь мне так тяжело открываться людям!

Его страхи были вполне естественными, их испытывает множество людей, вынужденных сменить лечащего врача.

– Вы переводитесь куда-то неподалеку?

Я открыла рот, но не смогла произнести ни слова. Собиралась ответить отрицательно, но сам вопрос, который он задал, снова отбросил меня в сферу неизвестности. Я тяжело сглотнула и сделала вдох.

– Нет, вряд ли.

Брайан снова огорченно опустил глаза, а потом внезапно встал со стула.

Он протянул мне руку, как делал, наверное, сотни раз на рабочих совещаниях, скрывая за такой формальностью свое разочарование.

– Ну что ж, желаю всего наилучшего, доктор Браун.

Пожимая ему руку, я чувствовала, что в горле встал ком.

– Вы прекрасно себя зарекомендовали, и я высоко ценю все, что вы сделали для меня за эти годы, – продолжал он своим официальным, отрывистым тоном.

– Вашим будущим пациентам можно только позавидовать.

Я закусил губу, изо всех сил стараясь не заплакать. Призвав на помощь медицину, я велела мистеру Коллинзу придерживаться прежней дозы антидепрессантов, а через 3 месяца заново оценить свое состояние.

Я проводила его до двери, мы мгновение помолчали, сознавая, насколько оба расстроены.

– Все будет хорошо, – подбодрила я его.

Но стоило ему выйти за дверь, и я разрыдалась, не в силах больше сопротивляться переживаниям этого дня. Я понимала, что должна держаться, что жизнь врача – это непрерывный поток сложных ситуаций, эмоциональных пациентов, боли, страданий и смерти. Следовало быть сильной – я и *была* сильной, всегда, но сейчас просто не представляла, как проживу следующие несколько недель.

Зазвонил телефон. Я не хотела брать трубку, и уже решила не отвечать, но мне требовалось что-то – что угодно, – чтобы не провалиться в пропасть отчаяния.

– Это доктор Браун? – спросил голос на другом конце.

– А кто говорит?

– Это доктор Фил Берн. Я прочитал ваше письмо в «Пульсе».

В груди екнуло.

– Я ищу врачей для работы в тюрьмах на юго-востоке Англии.

– Прошу прощения?

Мне показалось, я неправильно расслышала.

– Я ищу врача для работы в тюрьме, – повторил он.

Мысль эта меня потрясла. Я настолько завязла в своей деревенской практике, что о других местах работы, вроде того, о котором шла речь, даже не подумала.

Доктор Берн рассказал о должности: с частичной занятостью, в тюрьме для несовершеннолетних 15–18 лет, Хантеркомб в Оксфордшире, недалеко от Хенли-на-Темзе.

– Вам это может быть интересно? – спросил он.

С тюрьмой у меня ассоциировались исключительно драки, ножевые ранения и повешенные – всякие ужасы, которые показывают в кино. Смогу ли я работать в подобной обстановке?

Однако в глубине души я понимала, что эти представления о тюрьмах вряд ли соответствуют действительности. И мне все равно надо чем-то заниматься... Чем-то новым, чем-то, что меня увлечет, заставит снова почувствовать себя нужной. Работой, на которой я смогу помогать людям.

– Да! – ответила я неожиданно для себя самой.

Не дав себе времени на размышление, я просто положила на инстинкт; не спросила о зарплате, вообще не задала никаких вопросов...

Насколько испорченными могут быть подростки 15–18 лет? Мои сыновья, Роб и Чарли, были того же возраста, так что я, возможно, смогу стать для заключенных доверенным лицом, так как они будут меня воспринимать как мать, а не как угрозу.

Неужели я действительно была такой наивной? О да. Но время это исправило.

Мой собеседник объяснил, что немногие доктора соглашались работать в тюрьмах, считая тамошнюю среду слишком страшной и неприятной, а потенциальных пациентов сложными, не склонными к сотрудничеству, непредсказуемыми и к тому же жестокими.

– Однако, – и при этих словах он сам рассмеялся, – человек, так открыто выражающий свое мнение, как вы, наверняка справится!

Я не могла поверить, что излишняя откровенность в журнале внезапно открыла для меня целый спектр новых возможностей. Доктор Берн увидел во мне настоящего бойца. Да, мне уже почти 50, но почему не попробовать что-то новое? Никогда не поздно начать сначала. Это может касаться и карьеры, и отношений, и образа жизни. Много лет я убеждала в этом своих пациентов, и вот настало время столкнуться с неизвестностью самой. Вполне возможно, я смогу изменить к лучшему жизнь этих ребят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.